

Свобода совести, цензура: прошлое и настоящее

Статья посвящена сравнительному исследованию дореволюционных (до 1917 г.) цензурных правил и запретительной практики, с одной стороны, и существующей в настоящее время процедуры признания информационных материалов экстремистскими и соответствующим правоприменением – с другой. Показана порочность существующей практики квалификации религиозной литературы как экстремистской.

Ключевые слова: цензура; экстремизм; свобода совести; свобода мнений; ограничение свобод.

В этом-то и ошибка, что мы привыкли думать, что прокуратура, судейские вообще – это какие-то новые либеральные люди. Они и были когда-то такими, но теперь это совершенно другое. Это чиновники, озабоченные только двадцатым числом. Он получает жалование, ему нужно побольше, и этим и ограничиваются все его принципы. Он кого хотите будет обвинять, судить, приговаривать. – сослать человека за то, что он вместе с другими читает Евангелие? – Не только сослать в места не столь отдаленные, но в каторгу, если только будет доказано, что, читая Евангелие, они позволили себе толковать его другим не так, как велено, и потому осуждали церковное толкование.

Л. Н. Толстой. Воскресение

К сожалению, эти слова, написанные в XIX веке, не устарели и сегодня. Как ни удивительно, проблема преследования за религиозные убеждения остроактуальна для России, что вынуждает вновь вернуться к ранее начатому исследованию [51].

Помимо того, что большое количество религиозной литературы различных конфессий попало в федеральный список экстремистских материалов, включая перевод Библии [4], уже имеется не один десяток человек, арестованных [43] и содержащихся под арестом лишь за то, что они исповедовали свою религию и распространяли ее [11]. Быть привлеченным к административной ответственности за «незаконную миссионерскую деятельность» [27] уже гораздо проще, чем даже в царское время.

Безусловно, всё это совершается с благой целью – защитить общество. У инквизиции тоже были благие цели, которые вряд ли были достигнуты.

Мы искренне полагаем, что цель любой религии – это спасение человека. «Чем выше будет понимать человек бога, тем лучше он будет знать его. А чем лучше будет знать он бога, тем больше будет приближаться к нему, подражать его благодати, милосердию и любви к людям. И потому пусть тот, который видит весь свет солнца, наполняющий мир, пусть тот не осуждает и не презирает того суеверного человека, который в своем идоле видит только один луч того же света, пусть не презирает и того неверующего, который ослеп и вовсе не видит света» [53].

* **Айдар Рустэмович Султанов**, начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (ABLE) (г. Нижнекамск).

Мы позволили себе процитировать произведение Л. Н. Толстого «Суратская кофейная», которое не разрешали публиковать из цензурных¹ соображений. Удивительной силы короткое произведение, имеющее направленность на веротерпимость и повышение уважения к другим людям, исповедующим другие религии, было долгое время запрещено.

Безусловно, современный читатель, прочитав «Суратскую кофейную», будет в большом затруднении относительно причин такого запрета, поскольку в данной статье нет никаких призывов к насильственным действиям и нет оскорблений ничьих религиозных убеждений и верований. Не будем Вас томить – Петербургский цензурный комитет рекомендовал не разрешать его к печати, так как *«основная мысль рассказа, что все веры – и магометанская, и еврейская, и христианская – одинаково угодны богу, а наилучший храм – это вселенная. Дурно понятое и истолкованное, это произведение может служить орудием для успешного пропагандирования среди простолюдинов различных рационалистических учений, что, конечно, крайне нежелательно»* [23].

Итак, причиной для цензуры явилось не само произведение, а страх, что оно будет дурно понято и истолковано. Если быть более точным, это страх цензора, основанный на предположении, что есть люди, которые в отличие от него недостаточно разумны, чтобы понять замысел автора, и которые могут понять произведение дурно и неверно его истолковать.

Однако, на самом деле, это страх цензора дурно и неверно истолковал произведение, направленное на любовь и уважение, как опасное.

Цензура всегда была инструментом против инакомыслия, карающей за образ мыслей. Причем, как отмечал Бернард Шоу, «убийство – крайняя степень цензуры».

Сократ, Иисус Христос, Ян Гус и многие другие были убиты именно из цензурных соображений².

А. Н. Радищев в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» посвятил целую главу истории цензуры, убедительно показав несостоятельность ее предназначения. В частности, он писал: «Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет калека» [37].

Книга «не понравилась» императрице, и судьба Радищева была заранее решена: он был признан виновным в самом указе о предании его суду... Автору книги «Путешествие из Петербурга в Москву» грозила смертная казнь, к которой он был приговорен в 1790 году. Он был признан виновным в преступлении присяги и должности подданного, изданием книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование

¹ Цензура (лат. *censura*, от *censeo* – оцениваю, высказываю мнение), контроль официальных (светских или духовных) властей за содержанием, выпуском в свет и распространением печатной продукции, содержанием (исполнением, показом) пьес и др. сценических произведений, кинофотопроизведений, произведений изобразительного искусства, радио- и телевизионных передач, а иногда и частной переписки, с тем чтобы не допустить или ограничить распространение идей и сведений, признаваемых этими властями нежелательными или вредными. По способам осуществления цензура делится на предварительную и последующую (карательную). Предварительная цензура предполагает необходимость получить разрешение на выпуск в свет книг, постановку пьес и т. д., последующая – заключается в оценке уже опубликованных, выпущенных изданий, поставленных пьес и т. д. и в принятии ограничительных или запретительных мер в отношении тех, которые нарушают требования цензуры.

² Подробнее см.: [46].

против начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями против сана и власти царской». Через месяц и 11 дней после вынесения приговора смертная казнь была заменена на 10-летнюю ссылку. А. Н. Радищев был освобожден в 1796-м и амнистирован в 1801 году.

Однако амнистирование Радищева не означало согласия власти с его идеями об отсутствии необходимости цензуры. Цензура спустя три года после его амнистирования получила подробное правовое регламентирование – 9 июля 1804 г. был принят Устав о Цензуре. Согласно данному Уставу цензура имеет обязанностью рассматривать всякого рода книги и сочинения, назначаемые к общественному употреблению. Главный предмет сего рассматривания есть доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению.

Надо отметить, что данный цензурный Устав считается специалистами по российской цензуре самым либеральным. Так, если «если Цензор в доставленной ему рукописи найдет некоторые места, противные означенному в предыдущем 15 пункте предписанию, то не делает сам собой никаких в оных поправок; но означив таковые места, отсылает рукопись к издателю, дабы он сам переменял или исключил оные. По возвращении же исправленной таким образом рукописи, Цензор одобряет ее к напечатанию» (п. 16 Устава) [55; 19]³.

Не менее значимым был п. 21 Устава, в котором Цензор был связан необходимостью исходить из добросовестности автора при наличии различных толкований цензурируемого текста: «...цензура, в запрещении печатания, или пропуска книг и сочинений, руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом⁴, нежели его преследовать»⁵.

Однако в последующем были приняты и второй (1826), и третий (1828) цензурные уставы, которые всё ужесточали и ужесточали цензуру, и практика последующих лет осталась в истории как практика эпохи цензурного террора [24].

При Александре II произошли некоторые улучшения в положении печати, в результате цензурных реформ [25; 58]. 6 апреля 1865 года был издан указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» [54]. Некоторые издания были освобождены от предварительной цензуры, но была введена, вместе с ответственностью по суду, и система административных взысканий: министру внутренних дел предоставлялось право делать газетам и журналам, освобожденным от цензуры, в случае замеченного в них вредного направления, предостережения, причем третье предостережение влекло за собой приостановку издания. Эта система, сравнительно с судебной ответственностью, на практике получила преобладающее значение [14]. Ответственность эта, по правилам 1865 г., согласна с общими началами карательной цензуры, т. е. за конфискацией книги, в случае усмотренного в ней злоупотребления, виновное лицо предается суду по правилам, выраженным в уставе о печати [2].

Реформа 1865 года не вводила послаблений для литературы духовного содержания. Литература духовного содержания по-прежнему подлежала рассмотрению комитетами внутренней духовной цензуры на основании особых и притом более

³ Устав о Цензуре 1804 года можно найти в книге [19].

⁴ На наш взгляд, такое толкование всё же больше является провозглашением и реализацией принципа добросовестности, нежели принципом толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого (который мы знаем в современном уголовном, административном и налоговом праве РФ).

⁵ Надо отметить, что данное положение было сохранено также и в третьем цензурном Уставе 1828 года.

строгих правил, чем постановления о светской цензуре: «Запрещению ее подлежат не только сочинения, прямо противные началам христианства, догматам его, основаниям государственного устройства и т. д., но она не одобряет к напечатанию “сочинения большие или малые, с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувств, доброте слога, ясности и правильности изложения”».

Рассмотрению духовной цензуры⁶ подлежали книги собственно духовного содержания и сочинения, относящиеся к нравственности, но заключающие в себе места совершенно духовного содержания [10]. Претензии духовной цензуры на осуществление цензуры даже не религиозного содержания были значительны – широко известен факт, как митрополит Филарет пожаловался Бенкендорфу на «оскорбляющие святыню» слова из «Евгения Онегина»: «...и стаи галок на крестах». Цензор, которого призвали по этому поводу к ответу, сказал, что галки, как ему известно, действительно садятся на кресты московских церквей и что, по его мнению, виноват здесь больше всего московский полицеймейстер, допускающий это, а не поэт и цензор.

Неудивительно, что духовной цензурой запрещались произведения Л. Н. Толстого, содержащие в себе критику православной церкви⁷. Возможность «дурного» толкования стала основанием для цензуры благодаря непубличным циркулярам цензурного ведомства. Конфиденциальные и неконфиденциальные циркулярные распоряжения оказывали большое влияние на цензурную практику [12].

Реформа 1865 года была непоследовательна и вскоре сведена на нет различными поправками [42]. В частности, введением административной практики, обходящей судебное разбирательство. В 1868 г. министр внутренних дел граф П. А. Валуев обосновывал введение административной практики тем, что «*круг действий судебной власти, при всем ее значении, ограничен или предопределен предметами ее ведомства. Круг действий прессы всеобъемлющ. Нет такого вопроса, которого она не могла бы коснуться юридически безнаказанно, при соблюдении известных форм, при помощи известных оговорок или недоговорок и при некотором доверии к догадливости читателей... Суд не имеет права догадываться*» [15]. Административная цензурная практика могла «догадываться» и, более того, обязана была догадываться о возможных толкованиях и пониманиях произведений.

Барон М. Н. Корф писал: «Как в крепостном праве по вековой к нему привычке, многие видели основание стойкости нашего государственного организма, и мысль об упразднении его вызывала безотчетно чувство страха, так и цензура глубоко вросла в наши обычаи, и немало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядок. <...> Административные взыскания – это новая язва, заключающая в себе такую массу вреда, произвола и несправедливости, что против них протестовали и протестуют самые благомыслящие люди. Система административных взысканий еще более заражена произволом и несправедливостью, нежели предупредительная цензура, ибо наказывает за вину, не предвиденную никаким положительным законом» (цит. по: [62]).

Большое количество книг о цензуре было написано, и эти книги доступны в настоящее время, в том числе посвященные цензуре, практиковавшейся в советское время [3; 44; 38; 32; 5; 6; 7; 28; 30; 1; 9 и мн. др.].

Причины обращений авторов к теме цензуры различны. Так, например, исследования в области цензуры Н. М. Лемке были порождены тем, что он сам был подвергнут цензурному преследованию⁸. В обращении от автора в книге «Духов-

⁶ См. подробнее о духовной цензуре более раннего периода уникальное исследование А. Н. Ковича «Духовная цензура в России (1799–1855)» [21; 20].

⁷ Подробнее см.: [16; 17].

⁸ Помимо уже процитированных (см.: [26]).

ная цензура в России (1799–1855)» Алексей Никанорович Котович писал «...посвящая эту книгу – книгу взвешенных воплей и обсужденных страданий – как первый дар любви заживо похороненным и их разбитым думам, **мы начинаем творить для них и их могильщиков суд беспристрастной истории**» [21, с. III].

Те уроки, которые нам дает история, должны быть поняты и осознаны, дабы не повторять ныне снова и снова тех ошибок, которые уже были осуждены судом истории.

О цензуре в царской России имеется богатая литература, выходившая как до, так и после 1917 года, публикаций же о советской цензуре в советское время практически не было – она строжайшим образом засекречивалась. Поколения советских людей (тех из них, кто по своей работе не сталкивались с данными секретными явлениями) были в полном неведении о существовании в СССР цензуры и разветвленного всесильного цензурного аппарата. Впервые установленная Лениным как временная мера, цензура просуществовала практически почти до распада СССР. Признание факта литературной цензуры находим впервые лишь в 1991 году [56].

Взыскательный читатель спросит: к чему всё это? Ведь цензура в России запрещена Конституцией РФ в 1993 году!

Недопустимость цензуры установлена даже еще раньше, в ст. 2 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», в которой установлено, что «цензура массовой информации, т. е. требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, – не допускается».

К чему поминать давно пройденное?

Как писал Л. Н. Толстой в «Николае Палкине», «...мы не поминаем только оттого, что мы знаем, что мы больны все так же, и нам хочется обмануть себя» [52].

Действительно, цензура запрещена в России Конституцией, но она фактически введена Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»⁹. Данный закон позволяет под видом признания «информационных материалов» экстремистскими производить цензуру. Существует целый цензурный список, так называемый федеральный список экстремистских материалов, куда попадает всё, что признано экстремистским материалом, начиная с листовок и журналов и заканчивая религиозной литературой.

Как отмечали в 2011 году депутаты Государственной Думы РФ, «вся девятилетняя практика применения Федерального закона говорит о том, что исполнители силовых органов, применяющих этот закон, превратно понимая вопросы обеспечения безопасности Российской Федерации, нередко нарушают права и свободы человека и гражданина, запретили более 800 печатных изданий, признав их вредными, что нарушает права и свободы граждан, установленные Конституцией Российской Федерации. Подобной цензуры не было ни в царское время, ни в годы советской власти» [35].

Современная процедура цензуры значительно отличается от той, что проводилась ранее, и прежде всего тем, что практикуется при отрицании того, что проводится цензура. Годы советской власти, когда цензура подавалась как борьба с антисоветской пропагандой, а собственно наличие цензуры отрицалось, дают о себе знать.

⁹ В данной статье мы не касаемся цензуры, предусмотренной Федеральными конституционными законами от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

Сейчас она проводится под видом рассмотрения судом дела о признании материалов экстремистскими, где суду подвергается текст [48].

Для того чтобы цензурный процесс был возбужден, нужно лишь желание прокурора. Конечно, цензурный процесс ускоряется, если прокурор освобождает суд от необходимости самому читать цензурируемый текст, представив заключение экспертов о том, что текст является экстремистским. Суд, получивший от прокурора такое заключение, чувствует себя комфортно, понимая, что если решение будет обосновано экспертизой, то шансов на его отмену будет мало, поскольку и вышестоящий суд не захочет изучать данный текст.

Однако это означает, что суд, который должен быть справедливым, на самом деле лишь инструмент для прокурора, который при помощи заключения эксперта достигает цензурной цели.

Так, сегодня мы наблюдаем преследование Свидетелей Иеговы за религиозную деятельность, за распространение религиозной литературы. Их литература, как, впрочем, и литература других религиозных конфессий, признавалась экстремистской целыми списками при отсутствии насильственных действий или призывов к ним, лишь на основе «мнения» «экспертов», которому суд доверялся лишь потому, что на заключении было упомянуто о предупреждении «экспертов» об уголовной ответственности. Так, в известном судебном решении Ленинского районного суда г. Оренбурга от 21 марта 2012 года о запрещении 65 мусульманских книг [41], в качестве основания для того, чтобы не изучать самому оспариваемую литературу, вновь была использована уже ставшая шаблонной фраза «У суда не имеется оснований не доверять заключениям специалистов, предупрежденных об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ». Прикрывшись данной фразой, суд закончил цензурный процесс о запрете 65 книг за 20 минут.

Надо отметить, что 65 книг признать экстремистскими в одном судебном решении – это далеко не рекорд. В Казахстане еще 3 июля 2009 года суд Астаны признал экстремистскими аж 207 книг, брошюр, аудиозаписей [64]. В этом «знаменитом» решении суд также сам не исследовал материалов, признанных экстремистскими, и в результате признал экстремистскими даже суры Корана... В дальнейшем был распространен пресс-релиз о том, что «при размещении на сайте Министерства юстиции Перечня информационных материалов, признанных судом экстремистскими, была допущена техническая ошибка. На самом деле, решением суда Астаны от 3 июля этого года в числе других печатных и аудио-материалов были признаны экстремистскими с запретом к ввозу и распространению на территории республики аудиозаписи комментариев неизвестных лиц на озвученные шейхами Мишари Рашидом и Фарисом Уббадом суры Корана “Ахкаф” (Пески), “Мухаммад”, “Фатх” (Победа), “Хужрат” (Комнаты), “Каф”, “Табарак” (Власть), “Калам” (Письменная трость), “Хакка” (Неизбежное), “Маараж” (Ступени), “Нух” (Ной), “Джинны”, “Музаммил” (Завернувшийся), “Муддасир” (Закутавшийся), “Кияма” (Воскресенье), “Инсан” (Человек), “Мурсалат” (Посылаемые), “Аль-Бакара” (Корова), “Аль-Аъраф” (Преграды). Таким образом, суд признал экстремистскими и запретил аудиозаписи комментариев к сурам, а не сами суры Корана» [31].

По всей видимости, это не было технической ошибкой, поскольку в конце 2009 года был распространен уже новый пресс-релиз, о том, что по инициативе Генеральной прокуратуры Казахстана решением суда Астаны исключен из списка экстремистских материалов ряд произведений. «По результатам нового рассмотрения дела судом 2 декабря этого года вынесено новое решение, согласно которому из ранее признанных экстремистскими исключены 53 материала, в том числе аудиозаписи комментариев неизвестных лиц к сурам Корана. Запрет на распро-

странение указанных аудиозаписей был введен в Казахстане по решению столичного суда в конце сентября этого года по инициативе Генпрокуратуры. Речь идет о следующих аудиозаписях сур: “Пески”, “Мухаммад”, “Победа”, “Комнаты”, “Каф”, “Власть”, “Письменная трость”, “Неизбежное”, “Ступени”, “Нух”, “Джинны”, “Закутавшийся”, “Завернувшийся”, “Воскресение”, “Человек”, “Посылаемые”, “Корова”, “Преграды”» [63].

Современная карательная (последующая) цензура весьма сурова, и ее цензоры не отягощены бременем изучения цензурируемого материала.

В XIX веке в среде цензоров имел хождение сленговый термин «черная икра», который означал вымаранные из цензурных соображений черными чернилами слова и предложения. Современные цензоры не утруждают себя поисками «неудобных» слов и предложений, а цензурят списками.

Полагаем уместным сделать известным прием, используемый цензорами для того, чтобы, не утруждая себя, распространить свое субъективное мнение на целый список литературы. В нескольких заключениях «эксперты» проявили этот прием, заключающийся в ответе на вопрос, «могут ли предоставленные материалы использоваться в качестве единого комплекса средств пропагандистского воздействия». Таким нехитрым и абсолютно неправовым способом можно признать экстремистскими не только десятки книг одним списком, а целые библиотеки. Надо сказать, просто повезло, что в «библиотеке», представленной прокурором для признания экстремистскими книг в Ленинский районный суд г. Оренбурга, не оказалось Корана, – суд легко признал экстремистскими сборники хадисов (высказываний) Пророка Мухаммада, по всей видимости не подозревая, что хадисы – это составная часть Сунны, второго священного источника Откровения Аллаха в исламской религии после Корана. По всей видимости, суд, скорее всего, и не видел никакой библиотеки, а лишь видел список, представленный прокурором.

Современная цензура не озабочена установлением прямого смысла и необходимостью принципа добросовестности, наоборот, она занимается толкованием и поиском скрытых смыслов, находя даже то, чего не имели в виду авторы¹⁰.

В начале статьи мы приводили положение цензурного Устава, в котором было закреплено, что «когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать». Ныне получается наоборот: по крайней мере, преподаватель Московской Православной Духовной Академии, член Научно-консультативного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации по изучению информационных материалов религиозного содержания на предмет выявления в них признаков экстремизма Ю. В. Максимов обосновывает необходимость своей экспертизы следующим образом: «В соответствии с «Методическими рекомендациями “Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды”, утвержденными заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым 29.06.99 года (№ 27-19-99), **если идеи автора выражены прямо, а не завуалированно**, содержательный анализ текстов может быть проведен без специальных познаний (методов)» [18]. То есть там, где возможны различные толкования, нужен эксперт – при всей внешней разумности такого подхода, положения царского цензурного Устава были более справедливы и честны; современный подход предполагает пристрастное исследование.

Ознакомление с целым рядом «экспертных заключений» оставляет весьма тягостное впечатление ввиду их непрофессионализма и тенденциозности. Порой кажется, что для экспертов это был лишь заработок, основанный на воплощении

¹⁰ Как тут не вспомнить А. С. Пушкина и его «Послание к цензору» – «Подозревая все, во всем ты видишь яд» [36].

слов Ришелье: «Дайте мне всего шесть строк, написанных рукой самого честного человека, и я найду, за что его можно повесить».

Ради этого заработка «эксперты» легко выходят за пределы своей компетенции и с легкостью предрешают дело, отвечая на правовые вопросы. Пленум Верховного Суда РФ неоднократно запрещал ставить перед экспертами правовые вопросы¹¹, однако почему-то заключения, содержащие в себе ответы на правовые вопросы, принимаются судами. Порой встречаются даже случаи, когда «эксперты», по всей видимости с целью побольше заработать, единолично проводят комплексные экспертизы, которые должны, в соответствии с законом, проводиться несколькими экспертами (ч. 2 ст. 82 ГПК РФ). Нам даже известен случай, когда вместо проведения двумя специалистами – психологом и лингвистом – комплексной психолого-лингвистической экспертизы, заключение было «изготовлено» неким «психолингвистом»¹².

Даже в XIX веке цензорами не назначали психологов, поскольку компетенция психологов сводится к анализу проявлений психики человека. В ходе судебных процессов психологи привлекаются, когда необходимо установление индивидуально-психологических особенностей участников процесса, их способности правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства, наличие или отсутствие физиологического аффекта. При этом объектом исследования является сам человек.

Привлечение психологов в качестве экспертов по делам о признании информационных материалов экстремистскими возможно лишь для определения результатов воздействия анализируемых информационных материалов на аудиторию (читателей, зрителей, слушателей), определения реальной или потенциальной реакции аудитории на обнаруженные материалы.

Однако соответствующие результаты должны быть получены экспериментальным путем, а не являться субъективными выводами конкретного эксперта относительно прочитанного текста. Поэтому оценка потенциального (гипотетического) воздействия информационного материала, сделанная лишь посредством изучения его содержания, может рассматриваться как сугубо частное мнение специалиста, но не как результат экспертного исследования. При этом оценка потенциала воздействия текста на аудиторию не может быть категорической и безусловной, поскольку особенности осмысления и восприятия информации человеком зависят от большого числа факторов.

Министерство юстиции РФ в «Перечне родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ» [34] отнесло к компетенции психологической экспертизы исследование психологии и психофизиологии человека, а к компетенции лингвистической – исследование продуктов речевой деятельности.

Если психологи привлекаются для установления смыслового содержания информационных материалов, то очевидно, что исследование, проведенное ими, окажется за пределами их компетенции и будет несостоятельным с точки зрения доказательной базы. Тем не менее суды без колебаний принимают заключения психологов, в которых те охотно выступают в качестве экспертов, вынося суждения об экстремистском характере религиозной литературы, по всей видимости испытывая трудности с фактором проецирования (в психологии под фактором

¹¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».

¹² Решение Щелковского городского суда Московской области от 30.06.2011 г.

проецирования понимается ситуация, когда познающий может приписывать другому человеку собственные черты характера, мысли, настроения, чувства, которые у оцениваемой личности могут отсутствовать, что приводит к предубеждению, ошибочному пониманию людей, их намерений и поведения).

Психофизиологическое и психологическое обоснования фактора проекции даны в учении А. А. Ухтомского о доминанте: «...человек, предубежденный... что его окружают обжоры, эгоисты и подлецы, успешно найдет подтверждение этому своему убеждению и тогда, когда ему повстречается сам Сократ или Спиноза. Обманщик подозревает во всем обман, и вор везде усматривает воровство... Когда люди осуждают других, то тем только обнаруживают своего же, таящегося в себе Двойника: грязному в мыслях все кажется заранее грязным; завистнику и тайному стяжателю чудятся и в других стяжатели; эгоист, именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами. Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника, и осуждение есть вместе с тем и тайное, очень тонкое, тем более ядовитое самооправдание, – т. е. успокоение на себе и на своих точках зрения (доминанта на Двойника) застилает глаза на реальность, и тогда наступает трагедия: люди не узнают Сократа, объявляют его вредным чудачком, заставляют его поскорей умереть!» [57, с. 358–359].

Впрочем, данное «психологическое объяснение» есть лишь переложение евангельской мудрости: «Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы» (Евангелие от Иоанна, гл. 3, 19–20).

Быть может, поэтому одни и те же фамилии экспертов часто мелькают в делах о признании информационных материалов экстремистскими.

Если уж речь зашла об экспертах, то, на наш взгляд, даже компетентные и беспристрастные эксперты все же не могут быть цензорами и давать цензурное заключение. То или иное толкование религиозных текстов не может быть основанием для ограничения свободы мысли, совести и убеждений. На наш взгляд, только действия могут быть наказуемы, а не мысли и идеи. Не книги, а люди, которые совершили преступления насильственного характера либо призывали к насилью.

В Постановлении по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» (Жалоба № 302/02) от 10 июня 2010 года ЕСПЧ специально напомнил о своей уже сформировавшейся судебной практике о том, что в соответствии со ст. 9 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» по смыслу Европейской конвенции. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. На нем основывается плюрализм, неотделимый от демократического общества и завоеванный дорогой ценой на протяжении веков (см. п. 114 Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Церковь Бессарабской Митрополии и другие против Молдовы» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others vs. Moldova) по жалобе № 45701/99, ECHR 2001-XII). Религиозная свобода, будучи прежде всего делом совести каждого отдельного человека, предусматривает, *inter alia*, свободу «исповедовать [свою] религию» индивидуально, частным порядком или сообща с другими, публичным порядком или в кругу совершающих. Поскольку религиозные общины традиционно существуют в виде организованных структур, необходимо толковать ст. 9 Европейской конвенции в свете ст. 11 Европейской конвенции, которая предусматривает гарантии против необоснованного вмеша-

тельства государства в деятельность объединений. С учетом этого право верующих на свободу религии, включающее в себя право исповедовать свою религию сообща с другими, дает основания ожидать, что верующим будет разрешено свободно вступать в объединения без произвольного вмешательства государства. Действительно, независимое существование религиозных сообществ – неотъемлемое условие плюрализма в демократическом обществе и, соответственно, ключевой объект защиты, гарантированной ст. 9 Европейской конвенции. **В соответствии с судебной практикой Европейского суда, обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений** (см. пп. 118 и 123 вышеуказанного Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии [и другие против Молдовы]» (Metropolitan Church of Bessarabia [and Others v. Moldova]); и п. 62 Постановления Большой палаты Европейского суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria [GC]) по жалобе № 30985/96, ECHR 2000-XI).

С момента данного напоминания ЕСПЧ прошло восемь лет и... уроков никаких не было извлечено. Скорее наоборот, изменение правоприменительной практики осуществлялось в сторону еще большей произвольности, примером чему может быть дело о признании перевода Библии экстремистским [4; 61].

Уже первые жалобы по «экстремистским» обвинениям рассмотрены Европейским судом по правам человека. ЕСПЧ в деле «Дмитриевский против России» (Dmitriyevskiy v. Russia, Постановление от 03 октября 2017 г.) практически «воспроизвел» наши замечания [50] к практике применения закона об экстремизме.

ЕСПЧ в данном деле, в отличие от российских судов, сам изучил статьи, за публикацию которых привлекли к ответственности, и обнаружил, что в них нет призыва к насилию и они не подстрекают к ненависти или нетерпимости. Учитывая обстоятельства дела, в том числе малый тираж газеты, суд решил, что публикация этих статей не могла нанести вреда интересам общества.

ЕСПЧ также счел необходимым проанализировать ошибки российских судов, приведшие к нарушению прав и свобод человека, и указать на них, с тем чтобы они более не повторялись.

Во-первых, кладя в основу обвинительного приговора заключения экспертов, российский суд не дал им надлежащей оценки и лишь воспроизвел выводы эксперта-лингвиста, которые, по мнению судьи, заслуживали доверия ввиду компетентности, профессиональных навыков и опыта данного эксперта. Решающий правовой вывод о наличии в спорных высказываниях элементов ненависти и вражды был фактически сделан экспертом-лингвистом, составившим указанные заключения. По мнению ЕСПЧ, совершенно очевидно, что эти экспертные исследования вышли далеко за рамки лингвистики (т. е. установления смысла слов и выражений) и содержали, по сути, правовую квалификацию действий заявителя. Суд нашел такую ситуацию недопустимой и подчеркнул, что все правовые вопросы должны решаться только судом.

Во-вторых, суды не проанализировали статей, о которых шла речь. Как видно из решений, суды ограничились воспроизведением выводов из экспертных заключений. Они не указали, какие выражения и в каком отношении имели негативную коннотацию.

ЕСПЧ заключил, что такой подход к рассмотрению уголовного дела противоречит Конвенции, а обвинительный приговор не может считаться основанным на относимых и достаточных доказательствах, и установил нарушение ст. 10 Конвенции.

В настоящее время уже более двух десятков жалоб, связанных с применением закона об экстремизме, направлены Европейским судом для дачи российскими властями объяснений. По всей видимости, нас ожидают еще новые дела в ЕСПЧ.

Тем более что существующая судебная практика дает для этого много оснований. Наиболее распространенным нарушением является рассмотрение дела в особом производстве – процедуре, созданной для рассмотрения бесспорных дел [47].

Другим распространенным нарушением является рассмотрение дел о признании религиозных книг экстремистскими без привлечения всех заинтересованных лиц, без привлечения религиозных объединений, без привлечения издателей, авторов и владельцев авторских прав [49].

Хотя, конечно же, самым большим нарушением является само рассмотрение дел о признании религиозных книг экстремистскими – цензура религий недопустима [45], наказуемы лишь преступные деяния [22]. В настоящее время мы наблюдаем, что правонарушения рождаются в результате деятельности правоохранительных органов: вначале признается экстремистской религиозная литература, а затем уже распространение религиозной литературы становится правонарушением... Но искусственная криминализация вероисповеданий не улучшает ситуации, а, скорее, мешает противодействию реальным насильственным экстремистским преступлениям.

К сожалению, несовершенство закона позволяет широко толковать понятие «экстремизм», что допускает узаконенную цензуру и борьбу с инакомыслием в нашей стране [13]. Даже сторонники цензуры указывают, что законодательное определение экстремистских материалов, зафиксированное в ст. 1. Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», «не дает полной ясности при их выявлении, поэтому такая формулировка может рассматриваться только как рамочная, нуждающаяся в уточнениях и комментариях» [29, с. 22].

Существующая судебная практика подтверждает несовершенство закона, в результате которого одни и те же книги, брошюры, лозунги в одних судах не признаются экстремистскими, а в других судах таковыми признаются.

6 апреля 2005 года Кировский районный суд г. Омска оправдал Д. Исабаева, более того, судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда вынесла не только оправдательный приговор, но и частное определение по делу Исабаева, в котором по поводу действий правоохранительных органов говорится следующее: «Вся обвинительная деятельность по очевидно надуманным обвинениям вызвала возмущение значительной части мусульманского населения, исповедующего ислам, и позволила наиболее радикальным ее лидерам утверждать, что мусульман преследуют исключительно за религиозные убеждения. И у них для этого, судя по итогам судебного разбирательства, были веские аргументы» [40, с. 896–897]. Однако в дальнейшем те же книги, изданные Исабаевым, всё же были признаны экстремистскими, что явилось причиной очередного обращения в ЕСПЧ¹³. Причем в отличие от суда, признавшего книги экстремистскими лишь на основании экспертиз, ЕСПЧ, коммуницируя жалобу, истребовал для ознакомления сами книги.

ЕСПЧ в Постановлении отметил, что *«суд лишь принял выводы экспертов, не дав им какой-либо содержательной оценки, просто заявив, что у него нет оснований сомневаться в них. Суд процитировал не столько соответствующие части экспертных заключений, сколько их общие выводы. Кроме того, соответствующие экспертизы выходят далеко за рамки решения только языковых или психологических вопросов. Вместо того чтобы ограничиваться определением значения*

¹³ Жалоба по делу «Ибрагимов и культурно-образовательный фонд “Нуру Бади” против России» (Ibragimov and Cultural Educational Fund “Nuru Badi” v. Russia) № 1413/08, данная жалоба была объединена с жалобой 28621/11 и по объединенному делу было вынесено Постановление ЕСПЧ от 28.08.2018 г., которым было установлено нарушение ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

конкретных слов и выражений или объяснением их потенциального психологического воздействия, они по существу обеспечивают правовую квалификацию текстов. Действительно, из решения суда видно, что важнейшие юридические выводы относительно экстремистского характера книг были сделаны не судом, а экспертами в области лингвистики и психологии».

ЕСПЧ подчеркнул, что все правовые вопросы должны решаться исключительно судами, отметив, что Коптевский районный суд не предпринимал попыток провести собственный правовой анализ рассматриваемых текстов, при необходимости, с привлечением экспертных технических знаний. В частности, в нем не уточнялось, какие отрывки книг он считает проблематичными и каким образом они разжигают религиозную рознь или провозглашают превосходство на основании его отношения к религии.

ЕСПЧ специально отметил, что суд, признавая книги экстремистскими, даже не упомянул, не говоря уже о том, чтобы подробно обсуждать, влияние запрета на права заявителей в соответствии со ст. 9 и 10 Конвенции или его эквивалента во внутреннем праве.

ЕСПЧ обратил внимание на замечание апелляционного суда о том, что запрет касался конкретных изданий сборника Рисале-и Нур, а не учений Нурси как таковых, однако тот факт, что национальные суды не указали, какие отрывки они считают «экстремистскими», делает невозможным для заявителей переиздание книг после редактирования проблемных отрывков.

С учетом вышеизложенных соображений ЕСПЧ счел, что национальные суды не применяли стандартов, которые соответствовали бы принципам, закрепленным в ст. 10, и поэтому не приводили «соответствующих и достаточных» оснований для такого вмешательства.

Искусственная криминализация религиозных меньшинств не улучшает общество, а лишь отвлекает ресурсы для решения его актуальных проблем: «Общество получает то, к чему приковано его внимание. Если внимание общества будет приковано к духовным ценностям, а не к преступности, то для человечества еще наступит новый день» [59].

Мне запомнились слова Президента России В. В. Путина, сказанные в 2002 г. в Казани на III Всемирном конгрессе татар: *«Есть один момент, который является чрезвычайно важным, – это взаимодействие между государством и конфессиями. Об отношении государства к церквям, вообще к религии. У нас сейчас нет ничего другого, кроме религии, что может до каждого из нас донести общие человеческие ценности. Ничего другого нет. Поэтому если кто-то людей отталкивает от церквей, от мечетей, от синагог, я думаю, что это ошибка. Это мое частное мнение, а государство и я, как глава государства, не можем вмешиваться в деятельность конфессий».*

К сожалению, эти замечательные слова были забыты, и ситуация с необоснованным ограничением свободы совести и вероисповедания под видом борьбы с экстремизмом продолжает быть горячей. В Общественной палате РФ 13 июня 2012 года провели слушания на тему «Об особенностях применения антиэкстремистского законодательства к священным писаниям религиозных организаций». На данном слушании было единодушно высказано мнение, что Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» не должен распространяться на вероучительные тексты религиозных организаций, официально зарегистрированных в России. «Религиозным организациям, в отношении которых вынесены подобные решения, необходимо будет обратиться в Конституционный Суд», – считает директор Института мониторинга эффективности правоприменения Общественной палаты и член Общественной палаты Елена Лукьянова [60].

В Заключении о Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», принятом Венецианской комиссией на своем 91-м Пленарном Заседании (Венеция, 15–16 июня 2012 г.), было указано, что произвольное применение закона о противодействии экстремизму открывает возможность для введения жестких ограничений фундаментальных прав и свобод, закрепленных в Европейской конвенции по правам человека (в частности, ст. 6, 9–11), и нарушает принципы законности, необходимости и пропорциональности. В связи с этим Комиссия рекомендует законодательства в соответствие с Европейской конвенцией по правам человека и предлагает свои помощь и содействие в этой работе [65; 8].

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 17 октября 2017 года провел специальное заседание на тему «Общественное участие в противодействии экстремизму и терроризму» [33], где среди прочего обсуждалось уточнение терминов «экстремистская деятельность» и «социальная группа», расширенное толкование которых допускает произвольное правоприменение.

Президент Российской Федерации 26 июня 2018 г. дал поручение № Пр-1076 Общероссийскому общественному движению «Народный фронт “За Россию”» совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации в срок до 15 сентября 2018 г. провести анализ использования в правоприменительной практике понятий «экстремистское сообщество» и «преступление экстремистской направленности».

22 августа 2018 Совет при президенте по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) выпустил рекомендации по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения [39].

СПЧ обратил внимание на то, что «признавая реальность современных угроз экстремистского характера, следует отметить, что во многих из указанных уголовных дел имело место избыточно широкое, а иногда и ошибочное толкование норм права. В свою очередь, чем более широкое толкование дается понятию “экстремизм”, тем большее число людей оказывается экстремистами».

СПЧ предлагает сузить в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определение экстремистской деятельности, вернув в качестве обязательного квалифицирующего признака насилие (применение насилия, угроза его применения, призывы к насилию или иная явная поддержка насилия). В таком случае будет исключена возможность уголовного наказания за высказывания, не представляющие реальной угрозы.

Совет полагает целесообразным декриминализировать только неотягощенный состав, предусмотренный ч. 1 ст. 282 УК РФ, дополнив КоАП соответствующим административным правонарушением; декриминализировать ч. 1 ст. 148 УК (публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих); установить срок давности для привлечения к ответственности за публикации в Интернете; изменить экстерриториальный принцип подачи заявлений о запрете материалов, полностью централизовав процесс работы с такими заявлениями в Генеральной прокуратуре; исключить рассмотрение дел без вызова ответчика; упразднить список экстремистских материалов; и др.

СПЧ выразил обеспокоенность практикой повсеместного использования судебных экспертиз гуманитарного характера (лингвистических, психологических, политологических, социологических и т. п.) в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел об экстремистских высказываниях. Нарекания к этой практике многообразны и существенны. Совет полагает неоправданным привлечение профессиональных лингвистов для анализа простейших фраз, поскольку потенциально противоправные высказывания адресованы не специалистам, а широкому кру-

гу лиц, а следовательно, следствие и суд в большинстве случаев не нуждаются в помощи эксперта для уяснения смысла высказывания. По мнению СПЧ, снижение числа необоснованных судебных экспертиз гуманитарного характера, помимо прочего, приведет и к значительной экономии бюджетных расходов.

Полагаем, что инициативы СПЧ в полной мере отвечают европейским правовым стандартам и направлены на защиту прав и свобод граждан, страдающих от перекосов в терминологии и порочной правоприменительной практики.

Как гражданам России, нам бы хотелось, чтобы права и свободы человека в России соблюдались, а не были мечтой идеалистов. Граждане России заслужили уважения их прав и свобод и того, чтобы государство их воспринимало за разумных существ, которые могут сами отделять зерна от плевел и не нуждаются в цензурной опеке, в ее замаскированных под борьбу с экстремизмом проявлениях.

Тоталитаризм всегда начинается с попыток уничтожения права свободно получать и распространять идеи, но, как справедливо заметил Генрих Гейне, – где начинают с уничтожения книг – неизбежно заканчивают убиением людей.

Причем неважно, какими благими намерениями оправдывается уничтожение книг. Инквизиция тоже была основана на благих намерениях, а продолжилась кострами.

«...Но сейчас не об этом.

Я так хочу, чтобы жил

Тот, кто бросит лучик света в этот

Брошенный, брошенный, брошенный Богом мир»¹⁴.

P.S. Уже после того, как статья была практически закончена, было опубликовано Постановление Верховного Суда РФ от 20 сентября 2018 г., в котором заложены правовые основы для того, чтобы суды более не подменяли собственную оценку использованием экспертиз: «При оценке заключения эксперта по делам о преступлениях экстремистской направленности судам следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. При этом вопрос о том, являются ли те или иные действия публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, а также возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, относится к компетенции суда».

Так, шаг за шагом, движение к справедливому рассмотрению дел укрепляет правовые стандарты.

Литература

1. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. – М., 1990. – URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1314780425.pdf> (дата обращения: 20.06.2012).

2. Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). – Киев, 1889 // Справочно-правовая система «Гарант-Максимум».

3. Арсеньев К. К. Законодательство о печати. Великие реформы 60-х годов в их прошлом и настоящем / под ред. И. В. Гессена и А. И. Каминка. – СПб., 1903. – 264 с.

4. Библия в переводе Свидетелей Иеговы признана экстремистской // Сова : информационно-аналитический центр. – 18.08.2017. – URL: <https://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2017/08/d37666> (дата обращения: 21.08.2018).

5. Блюм А. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры (1917–1929). – СПб., 1994.

¹⁴ Макаревич А. Брошенный Богом мир.

6. Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора: 1929–1953. – СПб., 2000.
7. Богданов А. П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. – М., 1990.
8. Венецианская комиссия проанализировала ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» РФ // Сова : информационно-аналитический центр. – 2012. – 22 июня. – URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/counteraction/2012/06/d24724/> (дата обращения: 24.06.2011).
9. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. – М., 2009. – URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/062011/23062011-08a.html> (дата обращения: 20.06.2012).
10. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. – Т. I. – СПб., 1875.
11. Дело пятерых. – URL: <http://delo5.ru/#jail> (дата обращения: 21.08.2018).
12. Егоров А. Е. Страницы прожитого // Цензура в России в конце XIX – начале XX века : сб. воспоминаний. – СПб., 2003. – С. 141.
13. Едлин В. А. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Справочно-правовая система «Гарант». – 2010.
14. Елистратов А. И. Административное право. – М., 1911 // Справочно-правовая система «Гарант-Максимум».
15. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. – М., 2001. – URL: http://evartist.narod.ru/text9/37.htm#з_16 (дата обращения: 22.06.2012).
16. Жирков Г. В. Л. Н. Толстой и цензура. – СПб., 2009.
17. Жирков Г. В. Предсмертная цензурная неделя Л. Н. Толстого. Астаповская драма. – СПб., 2011.
18. Заключение православного миссионера Ю. Максимова по исламской литературе // ANSAR : информационно-аналитический канал. – 2012. – 18 июня. – URL: <http://www.ansar.ru/analytics/2012/06/18/31073> (дата обращения: 24.06.2012).
19. Законодательство императора Александра I. 1801–1811 годы / сост. и авт. вступ. ст. В. А. Томсинов. – М., 2011.
20. Кизеветтер А. Духовная цензура в России (Ал. Котович: «Духовная цензура в России 1799–1855 гг.». СПб., 1909). – URL: <http://relig-library.pstu.ru/catalog/706/book-706.pdf> (дата обращения: 22.06.2012).
21. Котович А. Н. Духовная цензура в России (1799–1855). – СПб., 1909. – URL: <http://nasledie.enip.gas.ru/ras/view/publication/browser.html?clear=true&perspective=popup&id=43107941> (дата обращения: 22.06.2012).
22. Лазарев В. В., Султанов А. Р. Экстремизм (интервью Ю. С. Пилипенко и Я. Розовой – программа «Правовой аспект» радиостанции «Эхо Москвы» 27.09.2013 г.) // Вестник федеральной палаты адвокатов. – 2014. – № 1. – С. 121–131.
23. Лебедев В. К. «Ошибка» цензуры // Русская литература. – 1974. – № 3.
24. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1828–1855 г. – СПб., 1909. – URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/fde/zhandarmy.djvu> (дата обращения: 20.06.2012).
25. Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. 1859–1865. – СПб., 1904. – URL: http://histans.com/LiberUA/Lemke_EpTsenzRef_1904/Lemke_EpTsenzRef_1904.pdf (дата обращения: 20.06.2012).
26. Лемке Н. М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – СПб., 1909. – URL: http://imwerden.de/pdf/lemke_ocherki_po_istorii_cenzury_1904.pdf (дата обращения: 20.06.2012).
27. Лункин Р. Подставные неверующие. Как и чем спровоцировать на проповедь // Религия и право : сетевое издание. – 2017. – 1 июня. – URL: http://www.sclj.ru/analytics/glavred/detail.php?ELEMENT_ID=7607 (дата обращения: 21.08.2018).
28. Макушин Л. М. Цензурный режим и журналистика. От «Чугунного» устава 1826 г. до Закона о печати 1865 г. : в 2 кн. – Екатеринбург, 2009.
29. Марцоха И. Е. Институт цензуры в информационной правовой политике России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2007.
30. Мезьер А. В. Словарь русских цензоров : материалы к библиографии по истории русской цензуры. – М., 2000.
31. Минюст Казахстана назвал запрет Корана «технической ошибкой» // Automan.kz : [сайт]. – 2009. – 3 октября. – URL: <http://www.automan.kz/334899-minjust-kazakhstan-nazval-zapret-korana.html> (дата обращения: 24.06.2012).

32. Никитенко А. В. Записки, дневник : в 3 т. – М., 2005. – 640 с. – (Серия «Биографии и мемуары»). – URL: <http://reformshistory.ru/fajlovjy-arkhiv/viewcategory/125-av-nikitenko> (дата обращения: 20.06.2012).

33. Общественное участие в противодействии экстремизму и терроризму : специальное заседание // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – 2017. – 17 октября. – URL: <http://president-sovet.ru/events/special/read/41> (дата обращения: 23.08.2018).

34. Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ : утвержден Приказом Минюста РФ от 14.05.2003 № 114 (ред. от 12.03.2007) «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2003. – 16 июня (№ 24).

35. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 565952-5 «О признании утратившими силу Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” и отдельных законодательных актов Российской Федерации в области противодействия экстремистской деятельности» // Справочно-правовая система «Гарант-Максимум».

36. Пушкин А. С. Послание цензору // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 1. – URL: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0217_22/1822/0131.htm (дата обращения: 24.06.2012).

37. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – URL: <http://ilibrary.ru/text/1850/p.18/index.html> (дата обращения: 20.06.2012).

38. Рейфман П. С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. – URL: <http://lepo.it.da.ut.ee/~pavel/index1.htm> (дата обращения: 20.06.2012).

39. Рекомендации СПЧ по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – 2018. – 22 августа. – URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/4875/> (дата обращения: 23.08.2018).

40. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза / сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский, С. В. Чугунов. – М. 2009.

41. Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга от 21 марта 2012 г. – URL: <http://www.lawfulstate.ru/index.php/zashitaprav/2010-03-28-13-27-47/affected-all-islamicpublishers/the-court-s-decision-to-ban-books.html> (дата обращения: 23.06.2012).

42. Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. – М., 1905.

43. Россия: волна арестов Свидетелей Иеговы // Human Rights Watch. – 2018. – 28 июня. – URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2018/06/28/319735> (дата обращения: 21.08.2018).

44. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. – 1892. – URL: <http://bookfi.org/dl/735886/043672>; <http://gen.lib.rus.ec/get?nametype=orig&md5=F137619F8B0004A8952C5418A416130E> (дата обращения: 20.06.2012).

45. Султанов А. Р. Борьба за свободу мысли, или Что такое европейские правовые стандарты. – М., 2017. – 464 с.

46. Султанов А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. – М., 2012.

47. Султанов А. Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призывы постановлений Европейского Суда по правам человека. – М., 2013. – 544 с.

48. Султанов А. Р. Правовая определенность – часть должной правовой процедуры, или как в закон об экстремизме правовую определенность вводили // Адвокат. – 2015. – № 1. – С. 5–17.

49. Султанов А. Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. – 2013. – № 11. – С. 5–13.

50. Султанов А. Р. Процессы об ограничении свободы выражения мнений и свободы совести, уроки истории и европейские стандарты // Адвокат. – 2010. – № 10. – С. 56–70.

51. Султанов А. Р. Цензурное прошлое и современная карательная цензура религиозных учений // Адвокат. – 2012. – № 7. – С. 58–68.
52. Толстой Л. Н. Николай Палкин // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. – Т. 17. – URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_17_18/vol_17/02edit/0357.htm (дата обращения: 22.08.2018)
53. Толстой Л. Н. Суратская кофейная // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. – Т. 12. – URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_12/01text/0283.htm (дата обращения: 20.06.2012).
54. Указ Александра II от 6 апреля 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати». – URL: <http://site.mediascope.ru/?q=node/64> (дата обращения: 20.06.2012).
55. Устав о Цензуре 1804 г. // Русская журналистика в документах: История надзора / сост. О. Д. Минаева ; под ред. Б. И. Есина и Я. Н. Засурского. – М., 2003. – URL: <http://site.mediascope.ru/?q=node/61> (дата обращения: 20.06.2012).
56. Уткин Б. Т. Библиография и цензура (заметки Челябинского библиографа о делах недавно минувших дней) // Библиограф: личность, мастерство, этика : сборник. – Челябинск, 1995.
57. Ухтомский А. А. Доминанта. – СПб. : Питер, 2002.
58. Фукс В. Я. Записка о цензуре коллежского асессора Фукса. – СПб., 1862.
59. Хаббард Л. Р. Влияние религии в обществе. – URL: <http://www.iasrus.ru/religiya.html> (дата обращения: 16.06.2012).
60. Черных А. Священным книгам готовят амнистию. ОП защитит их от обвинений в экстремизме // Коммерсантъ. – 2012. – 14 июня (№ 106 (4891)). – URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1957952> (дата обращения: 16.06.2012).
61. Чивчалов А. Россия может стать первой страной в мире, запретившей перевод Библии // Эхо Москвы. – 2017. – 28 июля. – URL: <https://echo.msk.ru/blog/an-torix/2026778-echo/> (дата обращения: 22.08.2018).
62. Энгельгард Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). – СПб., 1904. – URL: http://rapidshare.com/files/223140911/Engeljgardt_N_Ocherk_istorii_russkoj_cenzury_1703_1903_1904.pdf (дата обращения: 22.06.2012).
63. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1260867540> (дата обращения: 24.06.2012).
64. URL: http://www.mdvd.kz/index2.php?page=content/rights_extmat.php&lang=ru (дата обращения: 24.06.2012).
65. URL: http://www.venice.coe.int/site/dynamics/N_Opinion_ef.asp?L=E&OID=660 (дата обращения: 24.06.2011)

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Division of Nizhnekamskneftehim OJSC,

member of Association for Better Living and Education (ABLE) (Nizhnekamsk)

Freedom of Conscience, Censorship, their Past and Present

This paper presents a comparative study of the censorship rules and practices along with the current procedure to recognize information materials as extremist ones, and the practice of the law application. This study shows the depravity of the existing practice of recognizing religious literature as extremist one.

Key words: censorship; extremism; freedom of conscience; freedom of opinion; restriction of freedoms.